ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Л. П. ПОТАПОВ

ОЧЕРК ЭТНОГЕНЕЗА ЮЖНЫХ АЛТАЙЦЕВ

Тюркоязычное население Горного Алтая до Великой Октябрьской социалистической революции не составляло единой народности и не имело общего самоназвания. Оно представляло собой ряд племенных и территориальных групп, каждая из которых именовала себя по племенному или территориальному признаку. Таковы были:

1. Теленгиты, населявшие бассейны рек Чуи и Аргута. Бóльшая часть их была сосредоточена в долине р. Чуи и, кроме общего племенного названия «теленгет», именовала себя «чу-кижи», т. е. обитатели р. Чуи. 2. Собственно алтайцы или «алтай-кижи», расселявшиеся по среднему течению р. Катуни и в бассейнах рек: Урсула, Семы, Маймы, Чарыша, Кана, Песчаной. 3. Телесы, обитавшие преимущественно по рекам Чулышману, Башкаусу и Улагану, причем часть их называла себя «улаан-кижи», т. е. обитатели р. Улагана. 4. Телеуты, жившие по р. Черге и другим рекам в Шебалинском и Майминском аймаках. Бóльшая часть их жила за пределами Горного Алтая, по рекам Большому и Малому Бочатам, в отрогах Кузнецкого Алатау. 5. Тубалары, занимавшие долины рек Большой и Малой Иши, Сары-Кокши, Кара-Кокши, Пыжи, Уйменя и др. 6. Маймалары, представлявшие население бассейна р. Маймы, правого притока Катуни. Они именовали себя по названию р. Маймы и состояли из родов или сеоков, относившихся как к собственно алтайцам, так и к тубаларам. Это была типичная территориальная группа, объединенная общим территориальным самоназванием. 7. Челканцы, расселявшиеся в бассейне р. Лебеди и особенно ее притока Байгола. Они делились всего на два сеока или рода (Чалканыг и Шакшылыг) и называли себя по названию р. Лебеди «куу-кижи», т. е. обитатели р. Лебеди, или лебединцы. 8. Кумандинцы, жившие по берегам Бии почти от г. Бийска и вверх до впадения р. Лебеди. Еще в дореволюционной литературе все эти тюркоязычные племена и территориальные группы получили общее наименование алтайцев по признаку обитания их на Алтае. Кроме того, к алтайцам было принято причислять и шорцев — жителей Кузнецкого Алатау.

Проблема этногенеза тюркоязычных племен Алтая относится к числу наиболее трудных и неразработанных в этнографии народов Сибири. Несмотря на то, что Алтай с давних пор привлекал внимание ученых, ее коснулись только двое из них — В. В. Радлов и Н. А. Аристов, и то не специально, а, можно сказать, попутно[1]. В. В. Радлов высказал

[1] В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, т. I, СПб., 1866; его же, Aus Sibirien, т. I и II, Leipzig, 1884; Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, «Живая старина», вып. III и IV, 1896.

мнение, что Алтай является древнейшей прародиной тюркских племен, и полагал, что изучение тюркоязычных племен Алтая, которому он посвятил ряд лет, может пролить свет на вопрос происхождения тюрков вообще и их быта в древний период. Другой исследователь, Н. А. Аристов, также исходил из того, что Алтай является прародиной тюрков вообще. Рассматривая происхождение и этнический состав всех тюркских племен и народностей, он уделил некоторое внимание и южносибирским тюркским племенам, в том числе и алтайцам, как южным, так и северным. Н. А. Аристов высказал предположение, что южные алтайцы являются потомками гаогюйских племен, именовавшихся в китайских источниках также термином «теле». Относительно северных алтайцев он, по существу, поддержал мнение Радлова, что это тюркизированные енисейские остяки (кеты) и самоеды.

Отсюда следует, что попытка выяснить специально происхождение алтайцев предпринимается по существу впервые. Мы делаем это вопреки пессимистическому утверждению В. Радлова: «едва ли окажется когда-либо возможным разрешить вопрос о происхождении древнейших обитателей Сибири» [2]. Приведенное мнение крупного специалиста навеяно бессилием буржуазной науки в решении сложных и трудных исторических проблем. Решение таких задач по силам только советской исторической науке, вооруженной методом диалектического материализма, опирающейся на гениальные исследования классиков марксизма. Особенно большой вклад в изучение проблем этногенеза внес своими исследованиями И. В. Сталин. Его труды по национальному вопросу, учение о нации и особенно новый гениальный труд «Марксизм и вопросы языкознания» заложили прочную теоретическую основу для разработки вопросов происхождения того или иного народа. Напомним такие плодотворные творческие идеи и положения И. В. Сталина, как определение процесса исторического развития языка от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным, как необходимость изучать язык «в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка» [3]. Напомним указания и о том, что в процессе исторического развития племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались, о характере скрещивания языков, когда один из языков выходит победителем, и т. д. Опираясь на идейно-теоретическое богатство классиков марксизма, советские этнографы и историки разработали не только методологию, но и методику этногенетических исследований. Одним из основных достижений в этом отношении нужно признать комплексное привлечение различных исторических источников: лингвистических, археологических, этнографических, антропологических, письменных исторических, фольклорных, данные топонимики и т. д. Только всестороннее использование различных исторических источников дает прочную фактическую основу для решения вопросов происхождения того или иного народа и позволяет при помощи научно-исторического анализа выяснить эти трудные и сложные вопросы.

Выяснение вопросов происхождения алтайцев целесообразно вести раздельно по двум крупным группам, которые можно назвать по географическому признаку южной и северной, так как между ними существуют весьма резкие различия по языку, культуре и быту, а также в антропологическом типе.

К южной группе относятся: собственно алтайцы, теленгиты, телесы, телеуты и маймалары; к северной — шорцы, челканцы, кумандинцы и тубалары, хотя среди последних в языке и в особенностях культуры и быта, да и в антропологическом типе, прослеживаются отдельные эле-

[2] В. В. Радлов, Aus Sibirien, т. II, стр. 143.
[3] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 22.

менты, характерные для южной группы алтайцев. Это можно объяснить географическим положением тубаларов, находящихся на границе между северными и южными алтайцами, что способствовало возникновению культурно-исторических связей, а также смешению тубаларов с южными алтайцами.

Общеизвестно, что южные алтайцы в лингвистических классификациях тюркских языков относятся к той группе, в которую входят также киргизы, казахи, часть узбеков (поселившаяся в Узбекистане в связи с распадом Улуса Джучия в начале XVI в. при Шейбани-хане и часто называвшаяся до революции «кочевыми узбеками»), башкиры, тобольские и барабинские татары и др. Эта группа тюркских языков именуется северо-западной или кыпчакской. Северные алтайцы по признакам, положенным в основу классификации, относятся к другой, так называемой северо-восточной группе тюркских языков, которую еще именуют уйгурской по основному ее языку. Весьма велики различия в формах хозяйства, культуры и быта южной и северной групп алтайцев. Этнографическое своеобразие южных и северных алтайцев сложилось на различной материальной основе и в различных географических условиях в пределах Горного Алтая. Этнографические особенности культуры и быта южных алтайцев выросли на базе кочевого и полукочевого пастбищного скотоводства, в то время как у северных алтайцев они вырабатывались в течение многих столетий на основе пешей охоты на зверя, таежного рыболовства, мотыжного земледелия и собирательства дикорастущих. У южной и северной групп алтайцев наблюдается резкое различие в форме, конструкции и материале жилища и одежды, в характере и способе приготовления пищи, в средствах передвижения, в устном народном творчестве, изобразительном искусстве, в нравах и обычаях, в обрядах и культе [4]. Наконец, не вызывают сомнения и большие антропологические различия между южной и северной группой алтайцев. Южные алтайцы относятся нашими советскими антропологами вместе с тувинцами, бурятами, монголами, якутами к наиболее монголоидной, так называемой центральноазиатской группе населения Сибири [5]. У северных алтайцев монголоидность основных антропологических признаков выражена гораздо слабее, но наличествуют европеоидные признаки. Они относятся вместе с рядом угорских и самодийских народностей к уральской группе. Таким образом, северные алтайцы, особенно шорцы и кумандинцы, обнаруживают общность антропологического типа по измерительным и описательным признакам не с южными алтайцами, а с обскими уграми: хантами и манси. Следовательно, раздельное рассмотрение вопросов происхождения и этнического состава южных и северных алтайцев диктуется отнюдь не удобством научного анализа, а является необходимым по существу.

Наиболее ранние данные о древнейших насельниках Горного Алтая дает материал археологических раскопок. Палеоантропологический материал из древнейших алтайских погребений документально свидетельствует, что во II и I тысячелетиях до н. э. на Алтае жило население древнего европеоидного облика, резко отличное от монголоидного физического типа современных южных алтайцев. Древнейшие насельники Алтая жили оседло, занимались охотой, пастушеским скотоводством и земледелием. Они были искусными металлургами, выделывавшими из бронзы орудия и оружие, предметы хозяйственного быта, украшения и т. д. Древнейшее население Алтая, о котором идет речь, было родственно по физическому типу и общности культуры с населением Мину-

[4] На эти различия указано в ряде моих работ (см., например, книги: «Разложение родового строя у племен Северного Алтая», Л., 1935; «Очерки по истории алтайцев», Новосибирск, 1948).

[5] Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XVII, М., 1951, стр. 71, 119.

синской котловины и относилось к той группе племен, которая, видимо, получила в китайских источниках наименование динлинов. Известное фундаментальное исследование С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» на большом археологическом и палеоантропологическом материале вполне убедительно решает вопрос о физическом типе и характере культуры динлинов.

Проникновение монголоидного физического типа в Горный Алтай относится к середине I тысячелетия до н. э. Оно усилилось, видимо, с гуннского времени. Есть все основания предполагать, что монголоидное население, проникавшее на Алтай, как об этом говорят археологические памятники, через Туву и северо-западную Монголию, было преимущественно тюркоязычным, что совершенно бесспорно уже для VI в. н. э. Археологический материал дает полную возможность зафиксировать физическое смешение монголоидных пришельцев с местными динлинскими племенами. Скрещение монголоидных племен с динлинами, разумеется, не ограничивалось физическим смешением. В большой степени оно проявлялось в отношении культуры и языка. Нет никакого сомнения в том, что уже в первых веках нашей эры тюркские языки на Алтае оказались победителями. Анализ археологических памятников Алтая последних веков I тысячелетия до н. э. и первых веков н. э. устанавливает наличие культурных связей и контакта алтайских племен с кочевническим населением Средней Азии, видимо, с массагетскими племенами (юэчжи китайских источников) и племенами степей Западной Сибири, Семиречья, Южного Приуралья [6]. Исходя из фактов культурного общения и связей племен Алтая этого времени с кочевыми племенами Средней Азии и особенно Семиречья, необходимо предположить и взаимное смешение тех и других, что, конечно, влияло на этнический состав населения Алтая и усложняло его. Следовательно, уже наиболее ранние данные об этническом составе древних алтайцев свидетельствуют об их сложном и разнородном происхождении и не подтверждают предположения об этнической чистоте тюрков Алтая, как не подтверждают и другого предположения, высказанного Радловым, что Алтай является прародиной тюрков, поскольку, согласно антропологическим данным, монголоидные тюрки лишь постепенно сменяют местные динлинские племена.

Господство монголоидного физического типа в Горном Алтае устанавливается только в первые века н. э., что вполне согласуется со свидетельством китайских летописных источников об обитании на Алтае тюркоязычных племен (теле, тугю, кыпчаки и т. д.). Этнический состав населения Горного Алтая становится известным с VI в., когда возникает тюркский каганат. Происхождение последнего связано с тюркоязычными племенами Алтая, которые, по данным китайских летописей, входили в две большие группы: теле и тугю [7]. Оба приведенных термина обозначают собирательное название для группировок алтайских племен. Племена тугю жили на юге Алтая и славились умением плавить и обрабатывать железо, которым они платили дань жужанам. В 536 г. тугю под предводительством Тумыня нанесли поражение племенам теле, но вскоре объединились с ними для совместной борьбы с господствовавшими тогда в восточной части Центральной Азии жужанскими каганами и в 552 г. создали новое военно-административное объединение, первым каганом которого был Тумынь. Политическое господство тюркских каганов быстро распространилось на огромную территорию от границ Китая до Ирана и Византии. Военно-административный и политический центр

---

[6] См. об этом в исследовании С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», М., 1951.

[7] Термин «теле» относится и к кочевым племенам, жившим далеко за пределами Алтая.

тюркского каганата вскоре же оказался в Монголии. Узкие горные долины и степи Алтая, бедного зимними пастбищами, не были в состоянии обеспечить содержание огромных стад многочисленной кочевой знати тюркского каганата. Обширные степи Монголии были более подходящими для этого. Вероятно, этим объясняется то, что местопребывание господствующей и правящей аристократической верхушки больших, но обычно временных, военно-административных объединений кочевников в восточной части Центральной Азии как до тюркского каганата, так и после него находилось преимущественно в Монголии. Тюркский каганат был также временным военно-политическим объединением, которое, как известно из древнетюркских надписей на камнях, обнаруженных на р. Орхоне в Монголии, получило наименование «тюрк». Передача этого термина в китайской транскрипции и дало тугю. Тюркоязычное население Алтая и прилегающих к нему районов, составившее ядро тюркского каганата, не составляло единой народности, а отличалось пестрым этническим составом, причем непостоянным и довольно неустойчивым. Этнический состав алтайских тюрков не мог быть устойчивым в тех исторических условиях, ибо этому препятствовало отсутствие экономической общности, прочной государственной власти и кочевой быт. Будучи объединены общей политической властью тюркских каганов, племена Алтая и прилегающих к нему районов, входившие в объединение «тюрк», по существу жили своей обособленной жизнью. Они говорили на собственных языках и диалектах, хотя и родственных между собой, имели собственные этнические наименования, различались в отношении некоторых обычаев и религиозных обрядов. Более того, они часто находились во враждебных отношениях, совершая друг на друга вооруженные набеги с целью захвата добычи и пленников. О таких набегах племен теле и тугю неоднократно говорится в китайских источниках. Организация походов, набегов с целью грабежа и захвата пленных составляла основу политики кочевой аристократии тюркского каганата, как и других подобных военно-административных объединений кочевников [8]. В этих условиях в различных частях тюркского каганата постоянно возникали и распадались (в зависимости от успехов или неудач организаторов) временные, мелкие и крупные группировки различных племен и родов, отражавшие стремление кочевой верхушки к захвату богатств и власти. Но это также приводило к тому, что различные племена и роды (или группировки их) постоянно дробились и расходились, смешивались и скрещивались. Возникновение и распадение таких временных родо-племенных объединений облегчалось простотой производственной структуры и экономической жизни кочевников, основной отраслью хозяйства которых было экстенсивное пастбищное скотоводство без заготовки корма, с содержанием скота на пастбищах в течение всего года. Кочевники систематически переходили с места на место, «смотря по приволью в траве и воде» [9], чтобы обеспечить кормом свои стада. Экономическим базисом такого способа ведения хозяйства было общинное владение пастбищами и частная собственность на скот. Рядовое население жило мелкими или крупными общинами, объединенными общим владением пастбищами, совместным кочеванием, под главенством своего предводителя, как правило, богатого скотовода. Общинная форма кочевания в условиях кочевого скотоводческого хозяйства является экономической необходимостью. «У кочевых пастушеских племен,— пишет К. Маркс,— община всегда на деле собрана вместе; это общество спутников (Reisegesellschaft), караван, орда, и формы субординации

---

[8] Причины, порождавшие такую политику, вскрыты в исследовании С. В. Киселева (указ. соч., стр. 505).

[9] Трафаретное выражение китайской летописи, описывающей быт кочевников.

развиваются из условий этого образа жизни»[10]. Такую общину нельзя назвать территориальной, как у земледельческих народов, ибо она не имела постоянной пастбищной территории. Это была кочевая община, которая все время передвигалась по мере стравливания пастбищ. Пастбища занимались путем захвата либо свободной территории, либо занятой другими кочевыми объединениями. Однако право распоряжения пастбищами находилось в руках аристократической верхушки кочевников. Это достоверно известно про западных соседей алтайцев кочевников-усуней. Китайская летопись сообщает (I в. до н. э.), например, что глава усуней Цылими, носивший титул гунь-мо, обнародовал, чтобы «никто не смел пасти скот на его пастбищах»[11]. Состав общины также не был постоянным и устойчивым. Несмотря на то, что в основе этих простейших производственных объединений лежала родо-племенная традиция, их нельзя определить как общины родовые, объединяющие только кровных родственников. В описанных выше условиях род как кровнородственная организация не мог существовать. Устойчивыми были только родовые и племенные наименования, родовые обычаи и культы, родовые и племенные диалекты, которые были общими для таких объединений, состоявших по существу из разнородных в родственном отношении элементов. Частная собственность на скот, имущественное неравенство создавали условия для развития классовых отношений внутри таких общин. Аристократическая верхушка кочевников обладала огромными стадами, уход за которыми осуществляли зависимые от них разорившиеся рядовые кочевники и рабы.

Политическая власть верхушки основывалась на богатстве. Об этом убедительно говорит пример известного тюркского кагана Гудулу (Ильтерес-каган орхонских надписей), который, по свидетельству китайской летописи, «мало по-малу очень разбогател лошадьми, почему объявил себя ханом»[12]. Приведенная характеристика кочевых общин, как самодовлеющих и постоянно воспроизводящих себя простейших производственных объединений скотоводов-кочевников, объясняет и большую их жизнеспособность. Будучи разгромлены или рассеяны при очередном нашествии или набеге враждебной коалиции, они быстро возникали вновь, часто на одной и той же территории, под одними и теми же названиями, или же, быстро оправившись от удара, входили в новые комбинации кочевых объединений. Политические интриги, борьба за власть и богатство различных ханов не затрагивали экономической основы таких кочевых объединений. Вот почему племена и роды кочевников времени тюркского каганата, как и у позднейших тюркоязычных кочевников (например, казахов, киргизов), так легко дробились и расходились, смешивались и скрещивались. Вследствие этого был неустойчивым и разнородным этнический состав алтайских тюрков.

Обращаясь к выяснению этнического состава алтайцев периода тюркского каганата, необходимо иметь в виду прежде всего динлинский этнический элемент. Динлины совершенно ассимилировались в среде тюркоязычных племен Алтая, утратив свой язык и восприняв тюркский. Однако они внесли в монголоидную по антропологическому признаку среду тюрков Алтая черты своего европеоидного физического типа. Эти черты до сего времени проявляются у отдельных алтайцев и хакасов, среди которых встречаются светловолосые и светлоглазые лица. Таким образом, динлинский этнический компонент в среде алтайцев устанавливается не только по историческим, но и по антропологическим данным.

---

[10] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, ОГИЗ, 1940, стр. 24.

[11] Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.— Л., 1950, стр. 197.

[12] Там же, стр. 266.

Не может вызывать сомнения также и смешение тюркоязычных алтайских кочевников с монголами. На это указывают, например, данные древнего тюркского языка, зафиксированного в орхоно-енисейских надписях, в котором П. Пелльо обнаружил отдельные монгольские лексические элементы (в титулах и званиях аристократической верхушки тюрков), выраженные также и грамматически (например, употребление монгольского множественного числа) [13].

Об этническом составе тюркоязычного населения Алтая и прилегающих к нему районов имеются документальные известия прежде всего в орхоно-енисейских камнеписных памятниках древнетюркского языка, затем в китайских династийных хрониках. В упомянутых надписях встречаются этнонимы: Тюрк, Огуз, Кыпчак, Карлук, Кыркыз, Толес, Тардуш, Тюргеш, Уйгур, Чик, Аз и др. [14]. В китайских летописях говорится об объединении племен тугю, теле, хагяс и сообщаются наименования отдельных племен и родов, входящих в эти объединения [15]. Большинство из перечисленных этнонимов сохранилось в родо-племенных названиях современных алтайцев, являясь свидетельством историко-генетической связи их с тюркоязычным населением Алтая VI—VIII вв.

Термин «тюрк» выступает в орхонских надписях как название политического объединения, представляющего собой сложный в этническом отношении конгломерат [16]. В китайских источниках это название передано термином «тугю», с указанием местообитания их на Южном Алтае уже в первой половине V в. В генеалогической легенде о происхождении тугю, зафиксированной летописью, подчеркивается родственное происхождение племен тугю. Эту легенду, как известно, удачно интерпретировал Н. А. Аристов, связавший ее с этнонимами и топонимикой у современных алтайцев [17]. Эта легенда отражает также и некоторые особенности общественных и семейных отношений (черты матриархата, мин рат), религиозных представлений и обрядов (тотемиз, магическое воздействие на погоду). Из последних особенно интересно сопоставить умение старшего из братьев родоначальников тугю (родившегося от волчицы) вызывать ветры и дожди. Этнографам хорошо известно, что у дореволюционных южных алтайцев была особая категория колдунов — «ядачи», которым приписывалось умение вызывать любую погоду при помощи камня «яда-таш» [18].

Историко-культурное родство современных алтайцев с тюрками тугю особенно хорошо устанавливается на археологическом и этнографическом материале. Китайская летопись Тан-шу содержит описание быта тугю, которое мы приводим в выдержках. «Обычаи тукюесцев: распускают волосы, левую полу наверху носят; живут в палатках и войлочных юртах, переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде; занимаются скотоводством и звериною ловлей; питаются мясом, пьют кумыс; носят меховое и шерстяное одеяние... Из оружия имеют: роговые луки со свистящими стрелами, латы, копья, сабли и палаши. Знамена с золотою волчьею головою... Искусно стреляют из лука с лошади... Письмен (китайских.— *Л. П.*) не имеют. Количество требуемых

---

[13] P. Pelliot, L'origine des Tou-kiou, nom chinois des Turks, «T'oung Pao», 1915.

[14] О них см. W. Radloff ,Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Dritte Lieferung, СПб, 1895, стр. 424—428.

[15] Н. Я. Бичурин, Указ. сочинение.

[16] В В. Бартольд, Очерки истории туркменского народа. Туркмения, I, Л., 1929, стр. 9—10.

[17] Н. А. Аристов, Указ. соч., стр. 5.

[18] Поверье о яда-таш весьма распространено было у современных тюркоязычных племен и народностей (см. об этом С. Е. Малов, Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая, «Советская этнография», 1947, № 1). Подробный обзор материала по этому вопросу см. в работе F Andrian «Über den Wetterzauber der Altaier», Correspondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, 1893, № 8.

людей, лошадей, податей и скота считают по зарубкам на дереве... Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закалают лошадей и овец, и разложив перед палаткою, приносят в жертву... Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, а вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сожигают: собирают пепел и зарывают в определенное время года...» Далее описываются похороны богатого человека и указывается на обычай ставить при могиле «нарисованный облик покойника» и камни по количеству убитых врагов. «Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву до единой вывешивают их головы на вехах... По смерти отца, старших братьев и дядей по отце женятся на мачехах, невестках и тетках... Буквы письма их походят на буквы народа Ху... Пьют кобылий кумыс и упиваются до пьяна. Поют песни, стоя лицом друг к другу. Поклоняются духам, веруют в волхвов» [19].

Вещевой материал, добытый археологами из раскопок могильников тюркского времени, рисует быт кочевников алтайских тугю теми же чертами, что и летопись. Кроме скотоводства, бывшего основным занятием алтайских тугю, о чем говорят костные остатки лошади, овцы, козы, верблюда, яка, им были известны и охота на зверя (изделия из рога марала, лося, горного козла, обрывки меховой одежды, шкурок пушных зверей), частично и земледелие (находки ручных каменных жерновов). О наличии у алтайских тугю земледелия свидетельствуют также следы оросительных каналов. С. В. Киселевым были обнаружены и следы плавки железной руды на Южном Алтае [20]. Захоронение покойника с трупосожжением также обнаружено археологами при исследовании алтайских могильников описываемого времени.

Археологический материал подтверждает сообщение китайской летописи об обычае ставить каменные изображения покойника и вереницы камней у могилы богача, о наличии перечисленного выше оружия: луков, свистящих стрел, сабель и т. п. Еще в большей степени описание быта тугю китайской летописью подтверждается этнографическими материалами по южным алтайцам, относящимися к концу XIX и началу XX в. Южные алтайцы носили длиннополые шубы, запахивающиеся левой полой наверх, и жили в войлочных юртах, хотя волосы уже заплетали в косу. Они также пасли скот зимой и летом на пастбищах и охотились на зверя. Свистящие стрелы употреблялись ими при охоте в глухих районах Алтая вплоть до революции. Данные о количестве скота, долгах и т. п. они изображали зарубками на деревянных дощечках (кере агаш). Питались мясом и кумысом. Вместо кумыса опьяняли себя молочной самогонкой-аракой и также при угощении становились друг против друга на одно колено и пели песню. Обычай жениться на вдовах, оставшихся после старших братьев, был также широко распространен у южных алтайцев. Сохранилась и терминология родства, зафиксированная камнеписными орхоно-енисейскими памятниками. К таким терминам относятся, например, ата (отец), ана (в алтайском произношении äнä — мать), іні и ачі (младший брат, сыновья брата), апа и сіні (старшая и младшая сестры и др.), кälін (невестка) [21]. Еще более поразительно сохранялись у южных алтайцев с описываемого времени элементы религиозного шаманского культа. Отметим прежде всего жертвоприношение овец и лошадей, сопровождавшееся обычаем выстав-

---

[19] Н. Я. Бичурин, Указ, соч., т. I, стр. 229—231.

[20] С. В. Киселев, Указ. соч., стр. 515.

[21] См. С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М — Л., 1951. На термины родства в орхоно-енисейских надписях обратил внимание А. Н. Бернштам (Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок, М.— Л., 1946, стр. 88—93).

лять голову и шкуру животных, принесенных в жертву. Божества тюрков, упоминаемые в орхонских надписях,— кок тенгри (синее небо) и иер-су (земля и вода), почитались южными алтайцами вплоть до революции под теми же названиями.

В этническом составе древнего тюркоязычного населения Алтая, наряду с тугю, выдающееся место принадлежало племенам, относимым китайскими известиями к группе теле. Термин «теле» известен в китайских источниках с V в. и был термином собирательным, а не этническим. Он сменил термин «гао-гюй». В династийной хронике Вэй-шу упоминаются наименования 12 родов, входивших в состав предков гаогюйцев — теле: 1) Лифули, 2) Тулу, 3) Ичжань, 4) Далянь, 5) Кухэ, 6) Дабо, 7) Алунь, 8) Моюнь, 9) Сыфынь, 10) Фуфуло, 11) Киюань, 12) Юшупэй. Термин «теле» особенно распространился со времени Суйской династии (581—618), когда им обозначали, видимо, все кочевые скотоводческие племена, т. е. по признаку кочевого образа жизни, независимо от этнического происхождения и языка. Только этим, вероятно, и можно объяснить сообщение Суйской летописи о том, что телеских родов насчитывается свыше 8000 и расселены теле на огромной территории от Маньчжурии до Каспийского моря [22]. В этой же летописи имеется следующее описание быта теле: «Нравы телесцев вообще одинаковы с тукюескими. Только женятся у них уже взрослые мужчины и тотчас после свадьбы живут в доме родителей жены, ожидая, пока родится и вскормится грудью первый ребенок. Только тогда молодая чета возвращается в свой дом. Умерших они зарывают в землю. Вот и вся разница» [23]. Следовательно, китайские источники отмечают различие между тугю и теле только в отношении похоронного обряда. Они свидетельствуют, что теле погребали умерших в землю, а тугю — сжигали. Это сообщение о различии в похоронном обряде подтверждается нашими археологами, исследующими могильники Алтая рассматриваемого времени.

В истории Танской династии (618—907) содержатся дополнения о гаогюйских поколениях, т. е. о теле, из которых упоминаются: 1) Сйянто, 2) Байегу, 3) Пугу, 4) Тунло, 5) Хуно, 6) Киби, 7) Доланьгэ, 8) Адие, 9) Гэлолу, 10) Басими, 11) Дубо, 12) Гулигань, 13) Байси, 14) Хусйе.

Племена теле, по сообщениям китайских источников, довольно часто враждовали с тугю, даже будучи в составе единого военно-административного объединения, каким являлся тюркский каганат. Это подтверждается и содержанием орхоно-енисейских надписей. Объединения теле и тугю едва ли были постоянными. Вследствие причин, рассмотренных выше, состав их был текучим и часто менялся. Не вызывает сомнения лишь их культурно-бытовая общность, зафиксированная сообщениями китайских хроник и подтверждаемая археологическими данными. Однако в отношении языка различия были, судя по языкам современных разных тюркоязычных народностей и племен, связанных своим происхождением с тюркским каганатом. Правда, различия эти содержатся в рамках родственных между собой тюркских языков.

Приведенный выше материал об историко-культурном родстве современных южных алтайцев с племенами VI—VIII вв. тугю и теле китайских источников делает особенно важным и необходимым рассмотрение этнонимов тугю и теле в сопоставлении с родо-племенными названиями современных алтайцев. Китайские источники содержат данные об этнонимах только для племен теле и не дают материалов по этнонимам племен тугю. Однако этот пробел восполняется орхоно-енисейскими надписями, где наименования племен и родов, входивших в объединение «тюрк», представлены довольно полно, включая и те, которые, согласно

[22] Д. Позднеев, Исторический очерк уйгуров, СПб., 1899, стр. 37—41.
[23] Там же, стр. 41.

китайским источникам, относятся к племенам теле. В упомянутых камнеписных памятниках встречаются этнонимы: Тюрк, Огуз или Токуз огуз, Телес, Қыпчак, Тюргешь, Қарлук, Гардуш, Уйгур, Қыргыз, Байырку, Курыкан, Тонгра, Басмалы и др. Некоторые из них известны и по китайской летописи, в которой они причислены к племенам теле. Таковы, например, Гэлолу (Қарлук), Сйянто (Сир-тардуш[24]), Гулигань (Курыкан[25]), Тунло (Тонгра[26]), Байегу (Байырку[27]), Басими (Басмалы[28]). Термин «тюрк» как уже указывалось выше, был политическим наименованием военно-административного объединения, представлявшего в этническом отношении довольно пестрый конгломерат. В. В. Бартольд считал, что этнографическим термином племен, основавших тюркский каганат, был «огуз»; подразделениями огузов были тардуши, толесы. Это мнение не подтверждается фактическим материалом. Девятиплеменные огузы составляли только часть упомянутого конгломерата, в который входили и многие другие племена и роды, упоминаемые в камнеписных памятниках под своими этническими именами. Стало быть термин «токуз-огуз» относился к определенному объединению племен, родственных по языку, но отличающихся в языковом отношении от других тюркоязычных племен, например, кыпчаков. Термин «огуз» получил расширительное значение только позднее, уже у восточных авторов, что разъясняется из фактов политической истории. Известно, что девятиплеменные огузы, входившие крупным и важным объединением в тюркский каганат, наряду, например, с кыпчаками, карлуками и другими, с падением тюркского каганата завершают продвижение на запад, где в IX в. смешиваются с потомками тюркизированных эфталитов-кидаритов[29] и закладывают основу нового объединения тюркоязычных племен с центром в низовьях Сыр-Дарьи. Вследствие своего политического значения огузы приобретают большую популярность, что находит отражение в сочинениях восточных авторов, которые именуют огузами или гузами не только население, входящее в сферу влияния этого нового военно-административного объединения, но и самую территорию Приаральских и Прикаспийских степей, называя последнюю в X в. «степью гузов»[30], как позднее (когда господство гузов в этих местах сменилось господством кыпчаков) — «степью кыпчаков» (Дешт-и-Қыпчак)[31]. Этноним огуз среди родо-племенных названий алтайцев не встречается, что вполне естественно в связи с фактом откочевки огузов на запад. Отсутствие огузского элемента в этническом составе южных алтайцев особенно убедительно выступает в языковых фактах. Язык южных алтайцев с его диалектами относится к кыпчакской группе тюркских языков, весьма отличной от группы огузской, представителями которой являются современные языки: туркменский, азербайджанский, турецкий[32]. Язык орхоно-

---

[24] См. F. Hirth. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. «Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei», Zweite Folge, стр. 56, 129, 133, 140. Это отождествление принял и E. Chavannes (Documents sur les Toukiue (Turcs) occidentaux, St.-Pet., 1903, стр. 94, 95, 105 и др.

[25] См. F. Hirth, Указ. соч., стр. 133.

[26] F. Hirth, Указ. соч., стр. 133; V. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. V, 1896, стр. 178.

[27] V. Thomsen, Указ. соч., стр. 123; E. Chavannes, Указ. соч., стр. 86.

[28] W. Barthold, Die Historische Bedeutung der Alttürkischen Inschriften, стр. 8. См. «Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei». Neue Folge. СПб., 1897 См. также его работу «Очерк истории туркменского народа», стр. 9—10; его же, Очерк истории Семиречья. Памятная книжка Семиреченской области, т. 2, Верный, 1898, стр. 87—88 и др.

[29] С. П. Толстов, Города гузов, «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 100.

[30] В. В. Бартольд, Новый труд о половцах, «Русский исторический журнал», кн. 7, Птг., 1921, стр. 142.

[31] См. С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 100—101.

[32] Уже поэтому нельзя считать половцев-кыпчаков и огузов одним и тем же народом, как это думал J. Marquart (см. его «Über das Volkstum der Komanen», Berlin, 1914, стр. 29).

енисейских надписей, грамотность на котором была распространена преимущественно в среде кочевой знати, относится именно к огузскому типу тюркских языков [33]. Фонетические и морфологические особенности его сохранились в современных туркменском, азербайджанском и других языках. Однако словарный состав огузских и кыпчакских языков имеет общие слова, что объясняется как родством этих языков, так и тем, что огузские и кыпчакские племена жили общей исторической и культурной жизнью в составе тюркского каганата.

У современных южных алтайцев весьма распространенными этнонимами из упоминаемых в орхоно-енисейских надписях и китайских хрониках являются: Теле — Телес и Кыпчак. Большая часть племенных наименований у южных алтайцев: теленгит, телес, телеут — имеет в своей основе термин «теле». Уже давно признано, что названия «теленгит» и «телеут» являются передачей древнего этнонима теле в грамматической форме монгольского множественного числа [34]. Сомнение в этом отношении вызвал только термин «телес», засвидетельствованный в орхоно-енисейских надписях. В. Радлов, В. Томсен, Ф. Хирт, Э. Шаванн и другие высказались за отождествление этнонима телес с теле китайских летописей [35]. Однако в этом усомнился В. Бартольд, поддержанный П. Мелиоранским [36]. В настоящее время этот вопрос вполне прояснился в связи с тем, что установлено тюркологами: аффикс з(с) являлся показателем множественного числа в древних тюркских языках, в частности в языке камнеписных орхонских памятников [37]. В этой связи этноним телес выступает как грамматическая форма тюркского множественного числа от теле. Следовательно, телесы южных алтайцев, как и родственные им теленгиты и телеуты, сохранили в своем самоназвании яркое указание на принадлежность их далеких исторических предков к объединению «теле», к телесам орхоно-енисейских надписей, монгольских сказаний и т. д., часть которых уже в VI—VII вв. обитала на Алтае и в прилегающих к нему районах. При этом можно еще указать, что одно из самоназваний современных южных алтайцев «теленгит» зафиксировано упомянутыми китайскими источниками в термине Доланьгэ как наименовании одного из племен теле, что также привлекло внимание ряда ученых [38]. С этнонимом телес у южных алтайцев связана значительная часть населения. Помимо того, что телесами себя называет довольно большая группа южных алтайцев, обитающая в бассейне рек Чулышмана и Башкауса, необходимо обратить внимание на наличие сеока Телес у теленгитов и у собственно алтайцев. По данным 1897 г., только сеок Телес, без чулышманских телесов, насчитывал 1799 чел. обоего пола, что составляло 7,9% всего населения южных алтайцев. Кроме того, к телесам нужно отнести еще сеоки Оргончи и Титтас, которые считались родственными телесам в такой степени, что между этими сеоками запрещались браки [39]. Все это говорит о том, что с этнонимом

---

[33] С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 7.

[34] См., например, Н. А. Аристов, Указ. раб., стр. 341.

[35] W. Radloff, Aus Sibirien, I, стр. 126; V. Thomsen, Указ. раб., стр. 146; F. Hirth, Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, стр. 133; E. Chavannes, Указ соч., стр. 14; L. Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie, Paris, 1896, стр. 101.

[36] W. Barthold, Die historische Bedeutung der Alttürkischen Inschriften, стр. 9; П. Мелиоранский, Памятники в честь Кюль-Тегина, «Зап. Вост. отдел. Русск. археол. об-ва», XII, вып. 2—3, 1899, стр. 109.

[37] См. А. Н. Кононов, Грамматика турецкого языка, Л., 1941, стр. 95. Ср. его же, Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948, стр. 36—37; С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 50—52 и др.

[38] В. Радлов, К вопросу об уйгурах, СПб., 1893, стр. 89—90; G. Schlegel, Die chinesische Inschrift auf dem Uigurischen Denkmal in Kara-Balgassun, Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, IX, Helsingfors, 1896, стр. 1; Н. А. Аристов, Указ. соч., стр. 301 и др.

[39] С. А. Токарев, Докапиталистические пережитки в Ойротии, Л., 1936, стр. 20, 22.

«теле» связана большая часть современных алтайцев, что служит важным указанием на происхождение их от тюркоязычного населения Алтая VI—VIII вв., относимого китайскими источниками к племенам теле.

Не менее важным доказательством древней этнической основы южных алтайцев является весьма распространенный у них этноним Кыпчак. В настоящее время можно уверенно ставить вопрос о кыпчакском происхождении южных алтайцев, о существовании алтайских кыпчаков. Об этом прежде всего говорит их современный язык, относящийся, как неоднократно указывалось, к кыпчакской группе тюркских языков. Факты языка нужно считать важнейшим источником и доказательством для решения вопроса о происхождении южных алтайцев, ибо известно, что «Элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства» [40]. Конечно, при этом необходимо опираться на конкретную историю алтайцев, так как известно также и то, что в процессе конкретной истории могут смешиваться разноязычные и различные по этническому происхождению племена и народности. Мы знаем, например, что некоторые группы современных хакасов еще в XVII в. говорили на языках, относящихся к самоедоязычной или кетоязычной группе племен, а затем, в результате языкового скрещивания, стали только тюркоязычными. Конечно, было бы неправильно на основании современного тюркского языка этих групп хакасов относить их происхождение к тем или иным древним тюркским племенам и народностям, ибо нельзя забывать при этом и другого указания И. В. Сталина, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка» [41]. Конкретная же история южных алтайцев свидетельствует, что на Алтае, по крайней мере с VI в. и до наших дней, было тюркоязычное население, следовательно, мы вполне можем считать в этом случае, что элементы современного южного алтайского языка были заложены в глубокой древности и могут восходить к рассматриваемому периоду. Об этом, между прочим, говорят и некоторые параллели с киргизским материалом. Дело в том, что у южных алтайцев и киргизов, ныне разделенных огромным расстоянием, оказываются близкими, относящимися к одной и той же классификационной группе, языки, общие этнонимы, например, такие родо-племенные наименования, как Кыпчак, Телес, Мундус [42]. Эти параллели отражают, конечно, былую общность некоторых этнических элементов южных алтайцев и киргизов, что подтверждается и лексикой. Вероятно, эта общность относится ко времени существования больших объединений племен теле, ибо общими являются этнонимы теле (телес, Мундус — род телеутов). Кыпчакский язык алтайцев возник в древности и был связан с территорией Алтая. Последнее обстоятельство может быть доказано тем, что исторические источники очень рано говорят об этнониме Кыпчак, который приурочивается к Алтаю. Термин «кыпчак» упоминается в тексте китайского летописного известия, относящегося к III в. до н. э., о завоеваниях гуннского шаньюя Модэ. Среди племен, живших на севере от гуннов, динлинов, кыргызов и других, покоренных Модэ, упоминаются племена под названием Кюеше или «цвюе ше» [43], название, которое, как обратил внимание А. Н. Бернштам, в старокитайском произношении этих иероглифов, согласно Б. Карлгрену, звучало кыйчак, что, вероятно, передавало уже существовавшее тогда название «кыпчак» [44].

[40] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

[41] Там же, стр. 22.

[42] Мундус — наименование одного из наиболее древних и широко распространенных родов у телеутов.

[43] Н. Я. Бичурин, Указ. соч., стр. 50.

[44] А. Н. Бернштам, Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии, сб. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 154; ср. B. Karlgren, Analytic dictionary of Chinese and Sinno-Japanese, Paris, 1923.

Предположить обитание кыпчаков на Алтае и в ближайших к нему районах необходимо еще и потому, что кыпчаки упоминаются вместе с басмалами, бо-ма (видимо, остяками и селькупами), а также киргизами в числе племен, попавших с 641 г. в зависимость от западнотюркского кагана Дулу (ум. в 653 г.) и живших, как правильно указывается в китайских источниках, к северо-востоку от западных тюрков [45]. Столетием позднее о кыпчаках говорится в камнеписном памятнике, найденном Рамстедтом на р. Селенге, где указывается, что тюрки-кыпчаки в течение пятидесяти лет властвовали над уйгурами [46]. Это означает, что кыпчаки играли видную роль в восточном тюркском каганате, т. е. в государстве орхонских тюрков, алтайское происхождение которых сомнения не вызывает. При перемещении центра каганата из Алтая на Орхон тюркоязычное население не покинуло Алтай. На Орхон перебрались преимущественно кочевая тюркская знать и господствующие роды, обладавшие огромными стадами. Само собой разумеется, что за ними последовала и часть зависимого от них рядового кочевнического населения.

Вместе с тем имеются основания допустить, что на Орхоне оказалась только часть кыпчаков, что Алтай не опустел, что на Алтае кыпчакское население продолжало обитать. Свидетельством этому (кроме того, что на Алтае звучала кыпчакская речь) могут служить и некоторые археологические памятники, в частности погребения, вблизи которых стоят каменные изваяния, изображающие мужчину, держащего в руке сосуд, характерные для погребального обряда кыпчаков середины XIII в., наблюденного В. Рубруком. Последний пишет, что кыпчаки над усопшим насыпают большой холм «и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя перед пупком чашу» [47]. Л. А. Евтюхова, исследовавшая подобные каменные изваяния Горного Алтая, довольно убедительно датирует их периодом VII—X вв. и правильно относит их, как на Алтае, так и в Монголии, к орхонским тюркам алтайского происхождения [48]. Так как в составе орхонских тюрков кыпчаки играли видную роль и именно кыпчаки ставили в XIII в. каменные статуи, аналогичные описанным, то вполне допустимо, что упомянутые изваяния Алтая VII—X вв. принадлежат алтайским кыпчакам.

В этой связи обратим внимание еще на такую деталь. В. Рубрук сообщает, что кыпчаки во время его путешествия носили с собой мешочки, в которых складывали всякие мелочи. Называли их «каптаргак». Эти мешочки изображены подвешенными к поясу и на упомянутых каменных кыпчакских изваяниях Алтая. Но такие мешочки — кожаные сумки полукруглой формы — до последнего времени носили алтайцы-охотники, называя их также «каптарга». Подобный мешочек-сумку мы привезли в составе собранной нами этнографической коллекции для Государственного музея этнографии в Ленинграде. Надо сказать, что в Минусинской котловине такие изваяния в виде мужчины, держащего в руках чашу, крайне редки. Для этого района характерны другие, более ранние типы каменных изваяний [49]. Любопытно в связи с этим, что язык тюркского населения Минусинской котловины относится не к кыпчакской, а к другой группе, условно именуемой уйгурской. Алтайские кыпчаки, видимо,

---

[45] См. E. Chavannes, Указ. соч., стр. 28—29.

[46] Г. Рамстедт, Перевод надписи «Селенгинского камня», Труды Троицко-Савского отделения Приамурского отдела РГО, т. XV, вып. 1, стр. 40.

[47] В. Рубрук, Путешествие в восточные страны. Перевод А. Малеина, СПб., 1911, стр. 80. Еще раньше Рубрука о сооружении каменных баб в Улусе Джучия кыпчаками или половцами сообщает Низами (В. В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1894, СПб., 1897).

[48] Каменные изваяния Северного Алтая, Труды Гос. исторического музея, вып. XVI, М., 1941.

[49] М. П. Грязнов и Е. Шнейдер, Древние изваяния Минусинских степей, «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, Л., 1929.

не населяли Минусинскую котловину, где издавна жили киргизы. Мы отнюдь не хотим сказать, что указанные выше каменные изваяния Алтая, Тувы и Монголии принадлежат только кыпчакам, ибо хорошо знаем, что обычай ставить их был вообще у орхонских тюрков, которых нельзя целиком отождествлять с кыпчаками. Последние занимали в составе орхонских тюрков большое место и входили, видимо, в группу племен теле, ибо современные теленгиты, телеуты, телесы и группа собственно алтайцев говорят на кыпчакском по происхождению языке. На прямую генетическую связь современных южных алтайцев с древними и средневековыми кыпчаками указывает наличие у южных алтайцев сеока или рода Кыпчак. Сеок этот встречается буквально у всех южных алтайцев, как у телесов, теленгитов, так и у телеутов и собственно алтайцев. Следовательно, он является общим для всех южных алтайцев. Более того, сеок Кыпчак у современных южных алтайцев один из самых многочисленных. Ниже дается таблица наиболее многочисленных сеоков южных алтайцев, которая составлена мной на основании переписи 1897 г., произведенной у алтайцев под руководством С. П. Швецова [50].

Наименование сеока (рода)	Численность населения	
	абсолютная	в %
Тодош	2 982	13,1
Кыпчак	2 117	9,3
Мундус	1 417	6,2
Иркит	2 015	8,9
Майман (Найман)	1 912	8,4
Кобек	1 604	7,0
Толес	1 799	7,9
Тенжоан	1 106	4,5
Кергиль	1 100	4,5
Сагал	934	4,1
Соен, Саян (тувинцы)	728	3,2
Алмат	660	2,9
Чапты	558	2,9
Очы	528	2,9
Прочие: Кооболу, Сары, Олюп, Мюркут, Пурут, Тумат, Байлагас и др.	3 306	14,2
Итого	22 766	100%

Родственным по крови сеоку Кыпчак считался сеок Мундус. Кровное родство этих сеоков подчеркивалось запрещением браков между их членами. О кровном родстве их говорится и в легенде о происхождении сеока Мундус. Согласно этой легенде, основатель сеока Мундус родился от девушки, принадлежавшей к сеоку Кыпчак, зачавшей сына от того, что она съела три градинки (мус). Сеок Мундус, особенно распространенный у телеутов, известен, как уже говорилось, в качестве одного из родо-племенных подразделений у современных киргизов. Наличие общего родоплеменного подразделения Мундус у южных алтайцев и у киргизов отражает реальную историческую общность этнических элементов предков

[50] С. П. Швецов, Горный Алтай и его население, т. I, вып. 1, Барнаул, 1900. Приложение V. Таблица распределения алтайцев по сеокам, дючинам и волостям, стр. 8—23. Общее количество южных алтайцев, сосредоточенных в семи алтайских дючинах и двух чуйских волостях, исчислялось в 23 797 человек обоего пола, из которых для 1031 человека принадлежность к сеоку не выяснена. Поэтому мы вычислили процентный состав сеоков, исходя из общей численности южных алтайцев, указавших свой сеок, т. е. из 22 766 человек обоего пола.

этих народностей, что подтверждается и характером их языка, относящегося к общей кыпчакской группе.

Возвращаясь к нашей таблице, можно указать, что кыпчаки у южных алтайцев составляли (считая сеок Мундус) 15,5%. Но этнографические данные позволяют считать сеок Кыпчак в тесном племенном родстве с сеоком Тодош, ибо оба они находились между собой в отношениях «кудалышка», т. е. в отношениях родства по некогда обязательным (позднее предпочтительным) брачным связям. Отсюда оба упомянутых сеока были между собой «куда», т. е сваты. Этот факт заслуживает особого внимания, ибо он прекрасно согласуется с подобным же старинным обычаем, существовавшим у кыпчаков-половцев, которые находились в отношениях «сватовства» с печенегами. В рассказах Ипатьевской летописи о походах русских князей в 1187—1192 гг. указывается на родство между печенегами и половцами, называвшими друг друга «сватами» и не желавшими сражаться друг с другом [51]. На этом основании мы вполне можем отнести к кыпчакским все алтайские сеоки, находившиеся с сеоком «Кыпчак» в отношениях «кудалышка». Следовательно, доля кыпчакского племенного элемента у южных алтайцев возрастает до 28,6, а принимая во внимание отношения «кудалышка» между сеоком Тодош и сеоком Чапты — до 31,5%.

На древность кыпчакских элементов у южных алтайцев указывает еще то обстоятельство, что из этих родов у южных алтайцев были зайсаны по крови, «родовичи», так называемые «укту-јайзан», звание которых было древним и наследственным. Это отметил еще В. Радлов, который сообщил о наличии у южных алтайцев наследственных зайсанов по крови из сеоков: Кыпчак, Мундус, Тодош и Иркит. Кроме всего этого, у современных южных алтайцев сохранялись до самой революции некоторые особенности культуры и быта, характерные для средневековых кыпчаков, в частности в области культа; они известны нам по описаниям западноевропейских путешественников, посетивших кыпчакские степи в XIII в. Из них, например, Марко Поло следующим образом описывает божество Натигай. «У каждого он в доме. Выделывают его из войлока и сукна и держат по своим домам; делают они еще жену того бога и сыновей. Во время еды возьмут да помажут жирным куском рот богу, жене и сынам его» [52]. У теленгитов и телеутов Алтая такие божества в виде куколок из войлока были очень распространены вплоть до революции. Их держали в каждой юрте и кормили именно таким образом, как описывает Марко Поло. Более того, современные теленгиты называли это божество «Натигай» (как это зафиксировал Г. Н. Потанин во время своего путешествия по долине р. Чуи) [53], т. е. тем же термином, который слышал и Марко Поло. Телеуты, у которых эти божества шили из холста, набивая куколку тряпками, войлоком или шерстью, утратили собственное имя данного божества и именовали его общим термином «эмегендер», т. е. предки старушки. В этой связи укажем еще на некоторые особенности погребального обряда кыпчаков, сообщаемые В. Рубруком. Кроме его сообщения о том, что кыпчаки над усопшим насыпают большой холм «и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руках перед пупком чашу...», о чем уже говорилось выше, напомним следующие слова В. Рубрука: «Я видел одного недавно умершего, около которого они (кыпчаки.— *Л. П.*) повесили на высоких жердях шестнадцать шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира» [54]. Аналогичный обряд при похоронах сохранялся у южных алтайцев до XIX в. включительно и но-

---

[51] Ипатьевская летопись, стр. 134, 141. Полное собрание русских летописей, т. II, СПб. 1843.

[52] Марко Поло, Путешествие, Л., 1940, стр. 63, 117.

[53] Г. Н. Потанин, Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV, стр. 97.

[54] В. Рубрук, Указ. соч., стр. 80.

сил название «койлого», а лошадь, предназначенная сопровождать покойника в загробный мир, называлась «койло ат» [55]. Все это свидетельствует о том, что современные южные алтайцы в своей этнической основе являются потомками древних и средневековых алтайских кыпчаков.

Необходимо также обратить внимание на наличие у алтайцев этнонима «тиргеш», что должно служить указанием на наличие в среде алтайцев потомков древних тюргешей, игравших видную роль в западном тюркском каганате. Тюргеши составляли часть тугю, жили в своей массе в VII—VIII вв. на запад от Иртыша в непосредственном соседстве с западным Алтаем [56]. Тюргеши в VII в. входили в объединения племен Дулу, кочевавших на территории Семиречья [57]. Дулу или Тулу, как указывалось выше, упоминается в перечне телеских поколений в китайской летописи. Наименование «тюргеш» сохранилось у тубаларов в названии сеока (Радлов его считал племенем [58]), затем в названии Кергешской волости, упоминающейся в русских исторических документах XVII—XX вв. А. В. Адрианов справедливо отметил, что тубалары-тиргеш (у Адрианова Кергеш) относятся по этнографическим признакам к южным алтайцам [59]. Мужчины у них носили волосы заплетенными в небольшую косичку, женщины — безрукавную верхнюю одежду «чегедек», что характерно именно для южных алтайцев [60]. Мы прибавим к этому еще изготовление ими молочных продуктов, по способу приготовления и терминологии характерных для кочевников, в том числе и для южных алтайцев. Таким образом, сеок Тиргеш в составе тубаларов явно южноалтайского происхождения и еще не успел утратить особенностей своего древнего быта, связанного с культурой южных алтайских племен. В русских документах XVII в. отмечено [61], что «тирхеши» были раньше данниками телесов («телеских людей кыштымы»).

Помимо проанализированных древних этнонимов тюркоязычных племен Саяно-Алтайского нагорья, в составе современных алтайцев встречаются этнонимы: Кыргыз, свидетельствующий об участии енисейских киргизов в этногенезе алтайцев, Дубо и Аба, упоминаемые в составе телеских поколений в китайских летописях, и др. Последние два этнонима целесообразно рассмотреть в связи с этногенезом северных алтайцев.

Подытоживая изложенное выше, необходимо констатировать, что археологический, антропологический, этнографический, исторический (письменные источники) и лингвистический материал [62] согласно свидетельствуют, что современные южные алтайцы связаны своим этническим проис-

---

[55] Ср. монгол. «хойлга» как название обычая погребения лошади с покойником, сообщаемое Санан Сэцэном (XVII в.) в летописной хронике Эрдэнийн Тобчи. См. I. Schmidt, Geschichte der Ost-Mongolen, Leipzig, 1829, стр. 235. У якутов «хойлуга» — животное, убиваемое на поминках. У хакасов (качинцы, сагайцы, бельтиры) — «койлага».

[56] W. Radloff, Die Altürkischen Inschriften der Mongolei, Dritte Lieferung, СПб., 1895, стр. 427; Н. А. Аристов, Указ. соч., стр. 301.

[57] Н. А. Аристов, Указ. соч., стр. 301.

[58] W. Radloff, Aus Sibirien, I, стр. 213.

[59] А. В. Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г. Записки РГО по общей этнографии, т. XI, СПб., 1886, стр. 294.

[60] Обычай носить волосы заплетенными в косу упоминается в китайских источниках для сяньбийских племен (III—IV вв.), представлявших в этническом отношении конгломерат монгольских, тюркских и динлинских элементов (Н. Я. Бичурин, Указ. соч., 1, стр. 167, 208—209). Имеются сведения о ношении кос и динлинами (E. Chavannes, Les pays d'Occident d'après Le Wei-Lio, «T'oung-Pao» ser. II, vol. VI, 1805, стр. 524); это подтверждается и тем, что их далекие потомки, енисейские остяки-кеты, придерживались такого обычая вплоть до революции.

[61] С. А. Токарев, Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 86.

[62] К сожалению, мы не могли привести здесь лексического материала, который указывает на связь словарного состава языка орхоно-енисейских надписей с современным алтайским языком. Убедиться в этом легко всякому, кто поинтересуется хотя бы сопоставлением словаря, приложенного к работе С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности», с известными словарями алтайского языка (Вербицкий, Баскаков и Тощакова).

хождением с тюркоязычным населением, преобладавшим на Алтае и в прилегающих к нему районах в VI—VIII вв. Это население фигурирует в китайских летописных источниках под собирательными названиями — теле и тугю. В составе обеих групп находились кыпчакские племена, язык которых вышел победителем и сохранился в процесе скрещивания различных тюркских языков и диалектов на протяжении многовековой истории Южного Алтая. Эти древнеалтайские, кыпчакские по языку, племена являются далекими историческими предками современных южных алтайцев. Следовательно, упомянутые древнеалтайские этнические элементы продолжали обитать на Алтае и в последующие исторические времена, сохранившись до наших дней. Это, конечно, не означает, что этнический состав алтайских тюркоязычных племен на протяжении более чем тысячелетия оставался постоянным. Напротив, этнический состав алтайцев в связи с известными историческими событиями, протекавшими в восточной части Центральной Азии, подвергался изменениям, сохраняя при этом свою кыпчакскую основу. Существенным моментом в этнической истории алтайских племен нужно признать влияние монгольских племен. Это обстоятельство выступает особенно ясно в XI—XIII вв., когда на алтайцев распространяется господство найманов, и затем в период империи Чингис-хана и его потомков. На Алтае в указанное время продолжает обитать тюркоязычное население. Кыпчакские племена, часть которых известна у восточных авторов под именем «кимаков», упоминаются уже у арабского географа первой половины IX в. ибн-Хордадбеха. По рукописи Гардизи, составленной в первой половине XI в., кимаки «живут в лесах, ущельях и степях, все владеют стадами коров и баранов; верблюдов у них нет... Летом они питаются кобыльим молоком, которое у них называется кумысом: на зиму они заготовляют сушеное мясо баранье, лошадиное, коровье, каждый по мере своих средств. Предмет охоты кимаков — соболи и горностаи...» [63]. Кыпчаки в средние века составляли западную ветвь кимаков. В сочинениях восточных авторов кимацко-кыпчакские племена выступают как жители долины Иртыша и западносибирских степей. Они, конечно, обитали в горах Алтая, особенно западного, где охотились на соболей и горностаев, которыми еще до недавнего времени славились эти горы. Южноалтайские кыпчакские племена, например, собственно алтайцы, кочевавшие в западном Алтае еще в XVIII в., также продолжали на зиму уходить со стадами на левый берег Иртыша, где пасли скот в степях на своих зимних кочевьях и охотились на козуль. Телеуты кочевали в Прииртышских степях и по Оби еще в конце XVI и в XVII в. В степях Западной Сибири кыпчакские племена могли появиться только из Алтая, ибо Семиречье после падения тюркского каганата находилось сначала в руках тюргешей, а затем, со второй половины VIII в.,— карлуков, которые считаются также выселенцами с Алтая. Приаральские и Прикаспийские степи были под гегемонией огузов. Конечно, часть кыпчаков могла оказаться на Иртыше с конца V в., ибо китайские источники сообщают, что в 492 г. часть племен теле откочевала с р. Селенги на Иртыш [64].

Распространившие свое господство на Алтай найманы кочевали близ верховьев Иртыша. Их влияние распространилось, видимо, на юго-западный Алтай, так как телесы и теленгуты подчинились монголам позднее, непосредственно войскам Чингис-хана. Памятником смешения алтайцев с монголоязычными найманами следует считать наличие среди алтайцев многочисленного сеока Найман (с различными подразделениями его). При скрещении найманов с алтайцами победил тюркский язык, найманы растворились в тюркоязычной алтайской среде, дав только

[63] В. В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1894, стр. 107.
[64] Н. Я. Бичурин, Указ. соч., стр. 195.

наименование некоторым родовым подразделениям алтайцев. Довольно определенно о смешении алтайцев с монголами повествует «Сокровенное сказание монголов», где говорится о том, что по повелению Чингисхана телесы и теленгуты в начале XIII в. были включены в состав населения, находящегося в ведении темника Хорчи, куда входили монгольские роды баарынцев, адаркинцев, чиносцев и лесные (в том числе и монголоязычные) народы, обитавшие в Саяно-Алтайском нагорье[65]. При смешении телесы и телеуты сохранили свой тюркский язык и, как известно, говорят на нем и в наше время. Это свидетельствует о том, что алтайский тюркский язык при скрещивании с монгольским выходил победителем. При этом в тюркский язык алтайцев проникало значительное количество монгольских слов, которые сохранились в лексике алтайского языка до сего времени, обогатив словарный состав этого языка. Монголы, вошедшие в состав алтайцев, принесли с собой в алтайскую среду и некоторые черты кочевого быта, характерные для монгольских племен. Например, монгольское название напитка из заквашенного молока — «чиген» и способ его изготовления (из кипяченого молока) настолько распространились у алтайцев, что они вытеснили обычные у тюркских народностей наименование «айран» и приготовление его из сырого молока, как это принято у многих тюркоязычных кочевников. Укажем на древний монгольский способ умерщвления овцы путем надреза брюшины, просовывания руки в грудную полость и разрыва аорты, вместо перерезывания горла ножом по алтайскому способу, и т. д. Примеры распространения у алтайцев монгольских особенностей быта можно было бы привести в отношении одежды, устного творчества, народного календаря, религиозных верований и т. п. Они, как и данные языка, служат убедительным доказательством ассимиляции в алтайской среде монгольского этнического элемента в результате дробления и расхождения некоторых монгольских племен, смешивания и скрещивания их с тюркоязычными алтайцами.

Важной фазой этногенеза южных алтайцев, с которой непосредственно связано происхождение их ближайших исторических предков, явился тот интенсивный процесс тюркского этногенеза, который протекал с XI по XV в. на обширных пространствах степей от Алтая до Крыма и Дуная и в результате которого завершилось формирование таких народов, как современные казахи, узбеки, сибирские татары и т. п. В этот период, как известно, степи Западной Сибири, Казахстана, Северного Приаралья и Прикаспия, южнорусские степи до Северного Причерноморья, Крыма и Дуная включительно оказались в сфере влияния многочисленных кочевых тюркоязычных племен. Из них наиболее сильными оказались на некоторое время союзы тюркских племен под главенством печенегов в степях Приаралья и Прикаспия (X—XII вв.) и особенно кыпчаков в южнорусских степях. Известные с гуннского и тюркского времен на Алтае, а затем и на Иртыше кыпчаки выступают в XII и начале XIII в. в качестве хотя и недолговечной, но крупной политической силы. В восточных источниках большие степные пространства, на которые распространилось господство кыпчаков, как указывалось выше, получили название Дешт-и-Кыпчак. Временное объединение тюркоязычных кочевников под гегемонией кыпчаков содействовало созданию культурно-бытовой общности между этими племенами, находившимися на более или менее одинаковом уровне общественно-экономического развития.

Политическому господству кыпчаков был положен конец монгольским государством Чингис-хана. В 30-х годах XIII в. политическими хозяевами Дешт-и-Кыпчака становятся монголы. С образованием Джучиева улуса процесс тюркского этногенеза осложнился новым, монгольским влиянием. Однако в основе его попрежнему лежали различные комбинации тюркоязычных племен, составлявших большинство населения Дешт-и-

[65] «Сокровенное сказание Юань-чао би ши», М.— Л., 1941, стр. 161, 174, 175.

Кыпчака, хотя и в соединении с другими и, прежде всего, монгольскими. Рядовые кочевники-монголы растворялись в тюркоязычной кыпчакской среде не только на Алтае, о чем имеются прямые свидетельства мусульманских авторов. Арабский историк XIV в. ал-Омари сообщает относительно Улуса Джучия, или Золотой Орды, следующее: «В древности это государство было страной кыпчаков. Но когда им завладели татары (т. е. монголы.— *Л. П.*), то кыпчаки сделались их подданными. Потом (татары) смешались и породнились с ними (кыпчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кыпчаки, как будто бы одного с ними рода, от того, что монголы (и татары) поселились на земле кыпчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кыпчаков)» [66]. Тюркоязычный субстрат упомянутого процесса выступает и в том общеизвестном факте, что даже литературным языком в Улусе Джучия был один из тюркских языков с наличием в нем кыпчакских языковых элементов, не говоря уже о наречиях кочевых племен, населявших степи, где эти кыпчакские элементы преобладали. На этом тюркском литературном языке писались и официальные грамоты-ярлыки золотоордынских ханов, а некоторые из них даже на местном кыпчакском языке» (ярлык Тохтамыш-хана 1393 г.) [67].

Алтайские южные племена, входившие в восточную часть Джучиева улуса (Белая орда), представляли восточную окраину распространения кыпчакских племен и жили общей культурно-бытовой жизнью с соседними кыпчакскими племенами Белой орды.

После смерти хана Бату (1256) в процессе политического раздробления Улуса Джучия, видимо, возникали новые комбинации кыпчакских тюркоязычных племен, которые в смешении с монголами оказали большое влияние на этнический состав таких современных народностей, как казахи, узбеки, каракалпаки, башкиры и др., значительной части южных алтайцев (в том числе современных телеутов). Сказанным выше вполне объясняется тот общеизвестный факт, что в родо-племенном составе казахов, киргизов, каракалпаков, бывших кочевых узбеков, башкир, южных алтайцев и других народностей, живущих в течение ряда веков на далеком расстоянии друг от друга, встречаются одни и те же родо-племенные названия (Кыпчак, Найман, Меркит и т. д.). Этим же разъясняется и тот факт, что эпическое творчество времени Улуса Джучия (например, сказания о Чара-Батые, Едиге, Тохтамыше) сохранилось до недавнего времени в Крыму, у ногайцев Северного Кавказа, у казахов, у различных групп сибирских татар, а также у южных алтайцев и других тюркоязычных народностей [68]. Кроме эпоса, о совместной исторической жизни южных алтайцев и ряда перечисленных народностей в период существования Улуса Джучия говорит также и культурно-бытовая общность, прослеживающаяся на этнографическом материале до сего времени. Достаточно указать, что переносное войлочное жилище южных алтайцев «кереге» тождественно казахскому, киргизскому, узбекскому и т. д. не только по материалу, конструкции, но и по названию его отдельных частей (решетчатые стены основы, палки крыши, деревянный круг для дымового отверстия и т. д.). Это тождество в названиях наблюдается и в отношении плечевой мужской одежды. Достаточно для этого сравнить наименование алтайского халата чокпен с казахским шекпен, овчинной шубы (тон), дохи с шерстью наружу (jаргак) и т. п. Особенно много сходства наблюдается в способе приготовления мяса барана и

---

[66] В. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, стр. 235 (русск. перевод).

[67] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, Золотая Орда и ее падение, М.— Л., 1950, стр. 66.

[68] См. мою работу «Героический эпос алтайцев», «Советская этнография», 1949 № 1.

молочных продуктов, а также в соответствующей терминологии. Кислый молочный сыр алтайцев «курут» под схожим названием известен казахам, киргизам, башкирам и др. То же можно сказать о названиях: сливок с вареного молока «каймак», кислого молока «айран» (для которого у алтайцев, кроме этого, бытует еще монгольское название «чеген», означающее по-монгольски кумыс) и т. д. Даже название сосуда для хранения кислого молока «саба» одинаково известно на Алтае, у казахов, киргизов и др. Или возьмем такой простой инструмент, как деревянная палка с зазубринами для разминки и выделки шкур: он и у алтайцев, и у киргизов Памира носит одно и то же название «идрек» и до такой степени схож по форме, что положенные рядом два таких инструмента невозможно отличить. Перечень этих совпадений можно было бы продолжить; они встречаются и в народном орнаменте, и в календаре, народных музыкальных инструментах, терминологии родства, в ряде народных обычаев и домусульманских верований казахов, киргизов, кочевых узбеков, южных алтайцев и др.

Из всего сказанного вытекает следующий вывод. Ближайшими историческими предками современных южных алтайцев были кыпчакские тюркоязычные племена — как те, которые жили на Алтае с древних времен, так и те, которые оказались здесь в результате распадения Улуса Джучия, в частности его восточной части — Белой орды, когда произошла большая передвижка тюркоязычных племен, когда завершилось также образование казахской народности и т. п. На Алтае эти поздние кыпчакские элементы, как указывалось, смешивались не только с потомками других древних алтайских тюркоязычных племен времени тюркского каганата (телесы, тюргеши и др.), но и с западномонгольскими этническими элементами.

С распадом Улуса Джучия историческое и этническое развитие алтайцев происходит под сильным воздействием западных монголов или ойратов, так как с конца XV и начала XVI в. Алтай оказывается в сфере политического господства западномонгольских или ойратских ханов. Западномонгольские племена распространяют свои кочевья и на Горный Алтай. Однако и в это время, скрещиваясь с тюркоязычными алтайскими племенами, они частично растворялись, ассимилировались среди южных алтайцев. При этом скрещивании тюркский язык южных алтайцев снова оказался победителем. Свидетельством этого процесса служит появление у современных южных алтайцев сеоков Чорос, Тербет, Тумат и др. Приведенные этнонимы хорошо известны у западных монголов или ойратов, у которых они служат наименованием отдельных крупных племен или племенных и родовых объединений. Влияние западных монголов на этнический состав алтайцев продолжалось до половины XVIII в., когда распалось Джунгарское государство западных монголов.

Таким образом, на основании всего сказанного выше можно сделать вывод, что современные южные алтайцы сложились этнически в результате длительного и сложного исторического процесса, в результате раздробления и расхождения, смешивания и скрещивания различных, преимущественно тюркоязычных, кыпчакских по языку, племен. Следовательно, это — потомки древних алтайских и средневековых кыпчакских племен, в формировании которых принял значительное и неоднократное участие монгольский этнический элемент. При всех многочисленных скрещениях разноязычных элементов южноалтайский тюркский язык, возникший в глубокой древности на базе кыпчакских диалектов, вышел победителем. Южные алтайцы родственны по этническому происхождению ряду тюркоязычных народностей нашей страны и прежде всего казахам, киргизам и части узбеков, сибирским татарам и др.